

ТАТЬЯНА МИРНАЯ

**СЮРПРИЗ
ДЛЯ ВНУКА**

Татьяна Мирная
Сюрприз для внука

«Издательские решения»

Мирная Т.

Сюрприз для внука / Т. Мирная — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933450-3

«Сюрприз для внука» — четвёртый сборник моих рассказов. Рассказы разноплановые, но все жизненные. Я не могу сочинять, за меня сочиняет жизнь, а я только записываю. Все мои герои находятся среди нас, дышат с нами одним воздухом, ходят по тем же тропинкам и тротуарам, по которым ходят все. Я стараюсь увидеть в человеке хорошее, даже если он рецидивист, как один из моих героев. Мои герои — простые люди, смешные, талантливые, увлечённые, с своими недостатками и достоинствами.

ISBN 978-5-44-933450-3

© Мирная Т.
© Издательские решения

Содержание

Изюм	6
Пошутила	8
Встреча на погосте	10
Случайная встреча	12
Капитан	15
На поминках	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Сюрприз для внука

Татьяна Мирная

© Татьяна Мирная, 2018

ISBN 978-5-4493-3450-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Изюм

Иногда самые, казалось бы, обычные предметы ассоциируются с кем-то или с чем-либо и вызывают различные эмоции: любовь, злость, радость, печаль, вину, благодарность, удивление, обиду, смущение, жалость. Я уверена, что у каждого из нас такие предметы есть, есть такой предмет и у меня.

Это изюм. Да, обычный изюм или сушёный виноград, который любят все дети. Во всяком случае, в моём детстве изюм любили все, ели его с удовольствием и на здоровье.

Когда я готовлю что-нибудь с изюмом или просто его вижу, я всегда вспоминаю свою бабушку Иру, так как изюмом в детстве меня угощала только она. Бабушка сушила виноград сама, и, когда мы, внуки, к ней приходили, она обязательно доставала из кармана фартука горсть изюма и насыпала его в карман моего платья.

Чтобы почувствовать сладость, я держала сухую ягоду некоторое время во рту, пока изюм не становился мягким, и через некоторое время чувствовался на языке его приторно-сладкий вкус и аромат.

– Бери ещё, внученька, -говорила бабушка, подставляя мне огромный карман своего фартука. – Я старая, мне его кушать нечем.

Я лезла в него своей маленькой ручонкой и никак не могла захватить побольше: изюм всё время высыпался из моей руки, как только я пыталась зажать кулачок. Тогда бабушка помогала мне: своей тёплой и мягкой рукой она зачерпывала столько изюма, что он едва умещался в моих двух крохотных кармашках ситцевого платица. На прощание бабушка гладила меня по головке и целовала своими мягкими губами мои волосы.

Бабушка моя была низенького роста, полная, мягкая, как сдобная булочка, и от неё всегда пахло хлебом, потому что бабушка пекла хлеб не только на свою семью, но и для соседей, которые просили её об услуге, а она не могла отказать.

Мне было пять лет, когда бабушка заболела. Она лежала в своей маленькой спальне на кровати, над которой висела большущая икона Спасителя. Когда мы с мамой заходили к бабушке, мне казалось, что Бог с укоризной смотрит на меня, и я начинала плакать. Объяснить свои слёзы я не могла, а бабушка доставала из-под самой большой подушки мешочек с изюмом, протягивала его маме и говорила еле слышным голосом:

– Успокой дочку, Ульяна. Пожалей маленькую.

Она не могла погладить меня по головке, как делала это, когда была здоровой, не могла прижать к себе и поцеловать, она даже руку с трудом протягивала на прощание, которую целовала со слезами моя мама. Она почему-то особенно любила её и, как мне казалось, больше всех волновалась за бабушку.

А однажды холодным декабрьским утром в окно постучал дядя Гриша, мамин брат, и что-то сказал, после чего моя мама громко зарыдала и, плачущая, ушла с дядей Гришей.

К обеду она вернулась, собрала меня, и мы пошли с ней по знакомому мне маршруту, через стадион, мимо пруда.

– Мы идём к бабушке? – спросила я маму.

– Да, – сказала мама. – Но только бабушки больше нет, доченька. Она умерла.

«Как нет? А кто же меня теперь изюмом будет угощать?» – думала я про себя.

Слёз не было, потому что о смерти я тогда ничего не знала и заплакала я потому, что навзрыд рыдали у гроба тётя Вера, дядя Гриша, тётя Люба и моя мама. Я сильно испугалась и, плача, прижалась к маме. Со страхом я смотрела на бабушку, лежащую в гробу.

Она была в белой кофточке и чёрной юбке, а поверх юбки ей повязали фартук с карманом. Фартук был новый, с оборками по краям и с каким-то мелким голубым рисунком. Я смотрела на этот фартук и на карман и думала о том, что, наверное, бабушка насыпала в него

изюма. Но только зачем, я понять не могла. И тут я услышала, как тётя Вера спросила у тёти Любы, положили бабушке в карман деньги или нет.

– Положили, – ответила тётя Люба тихонько.

– Так вот для чего бабушке карман? А деньги зачем? – задавала я себе вопросы, а потом эти вопросы задала маме, когда бабушку уже похоронили.

– Бабушка заплатит их на реке перевозчику, который перевезёт её из мира живых в царство мёртвых, – объяснила мне мама и заплакала.

А потом, выплакавшись, добавила:

– Маленькая ты ещё такие вопросы задавать. Вырастешь – поймёшь.

Я выросла и всё поняла.

Пошутила

– Вот скажи, разве так шутят нормальные женщины? Разве можно такими вещами шутить? – задавал Виктор Васильевич вопросы другу, который сидел напротив него за столом.

Он пришёл к Александру Петровичу совершенно неожиданно, поэтому на столе стояла только бутылка водки, две рюмочки, сало на тарелочке, порезанное малюсенькими кусочками и маринованные огурцы. Но Виктор Васильевич, выпив рюмку водки, ни к чему не притронулся: он был в расстроенных чувствах.

– Расскажи, как ты с нею познакомился? – участливо попросил друга Александр Петрович

– После развода с Тоней я два года жил один, а потом стало тоскливо. Купил себе ноутбук, освоил его и решил познакомиться с женщиной, такой же одинокой, как и я. Зарегистрировался на сайте знакомств, заполнил анкету. Откликнулись трое, одна из них как раз Валентина из Белоруссии. Я обрадовался, семья ведь моя вся там. Думаю, поближе к дочке буду, к внукам.

Писала, что пенсионерка. Живёт, мол, одна. Расписала, как у неё хорошо.

Мол, озеро рядом и речка, можно рыбку ловить. Полгода переписывались. Бывшая учительница.

– Бывшая учительница?! – удивился Александр Петрович. – Так они ж все чокнутые. Ты вспомни первую свою любовь, ту, что в институте ещё была. Моя тоже учительница и тоже чокнутая, -тихонько сказал Александр Петрович, оглядываясь по сторонам.

Виктор Васильевич молчал – мешал комок в горле. Александр Петрович налил ещё по рюмочке. Выпили.

– Ты закуси, – посоветовал другу Александр Петрович.

– Не могу, – в словах Виктора Васильевича была такая горечь, что крепость водки он не чувствовал.

– Так она тебя позвала или ты сам решил к ней ехать? – уточнил вопрос Александр Петрович

– Она позвала, но с условием, что с миллионом приеду.

– А ты?

– А я продал дом за 750 тысяч, 200 тысяч у меня было на карточке. Я ведь работал, а пенсию с карточки не снимал. Потом весь скарб домашний за копейки распродал, почти на 100 тысяч вышло. Вот миллион и собрался. Взял с собой его и поехал. Подарков накупил по дороге, продуктов, цветы. К будущей жене ведь ехал, – ехидно сказал Виктор Васильевич

– Ну и дальше что было? Рассказывай, – торопил Александр Петрович друга

– Приехал в Белоруссию. Встретила она меня на вокзале. Ничего так, с виду симпатичная, среднего роста, полная, белолицая. На фото в интернете, конечно, получше была, но я сильно фотографиям и не верю, – начал свой рассказ Виктор Васильевич.

Оказалось, что живёт она с сыном, невесткой и тремя внуками. Встретили меня хорошо, правда, как – то странно переглядывались между собой, будто я к ним с неба свалился. А на другой день эта Валентина и говорит: «я, мол, пошутила, а ты и поверил». Спрашиваю: «Как пошутила?» – «Вот так, – говорит, -не нужен мне твой миллион, езжай обратно»

– И ты сразу сдался? Она же женщина! Надо было уговаривать: поломалась бы и согласилась, – со знанием дела сказал Александр Петрович

– И уговаривал, и дом предлагал купить, тем более, что деньги с собой были, но она упёрлась и слышать не хочет. «Мне, – говорит, – и с сыном неплохо. А с внуками вообще хорошо. Пошутила я». Вот такая шутница оказалась.

Друзья помолчали некоторое время, потом выпили ещё по рюмочке. Виктор Васильевич наконец взял кусочек сала, положил его на хлебушек и закусил.

– А ты к бывшей своей постучись, всё-таки вместе сорок лет прожили, – посоветовал другу Александр Петрович

– Заезжал, и на порог не пустила, сволочь. У дочки переночевал, с внуками пообщался и тоже смотрю, косятся на меня, ждут, когда уеду. Я утром сел в поезд и укатил на родину. Всё-таки у нас люди более душевные, хотя моя бывшая тоже местная, а адаптировалась уже под те условия.

– Теперь – то что будешь делать? – спросил друга Александр Петрович

– Дом буду покупать или квартиру в городе однокомнатную. Надеюсь, миллиона хватит? – спросил он друга.

– В селе хватит, а в городе вряд ли, хотя без ремонта в городе можно тысяч за 900 курить. А может, к Лидке, соседке своей бывшей, подкатишь? Она – баба ушлая, может и согласится за миллион? – предложил ещё вариант Александр Петрович

– Не согласится. Я как – то ей предлагал жить вместе, так она на меня как на чумного посмотрела. Всё. Хватит! Буду жить один! – сделал вывод Виктор Васильевич. – Наливай! За это и выпьем.

Встреча на погосте

Я услышала своё имя и подняла голову. Меж могил быстро шла навстречу полная невысокая женщина моих лет в рабочем сером халате и белом ситцевом платочке. Женщина широко улыбалась и радостно махала мне рукой в перчатке, вымазанной синей краской.

Если бы не одна характерная деталь, знакомая мне с детства, я бы ни за что не узнала её. Это была Люда, моя очень дальняя родственница по какой-то маминой линии. «Седьмая вода на киселе» – говорила о семье Люды прагматичная тётя Люба.

Мы жили на одной улице, неподалёку друг от друга. Играли вместе и ходили на сельский рынок продавать яблоки и абрикосы. На рынок с той же целью приходили мальчишки и вечно издевались над Людой: то яблоки из её ведра в своё переложат, то абрикосами в неё кидаются. А однажды один из них взял длинный прутик и стал задирать этим прутиком Люде юбку. Она одёргивала её, а он всё равно лез к ней с этим прутом. Отстал только тогда, когда Люда заплакала.

Я всегда смотрела на Люду с любопытством. Вроде бы всё, как у меня: руки – ноги – голова. А вот глаза не такие: говорит Люда со мной, а глаза смотрят в другую сторону.

– Она косонькая, – пояснила мне мама. – Смотри, не смейся над ней никогда, как некоторые делают. Грех это.

Я не смеялась. Отчасти, потому, что была послушной девочкой, а отчасти потому, что тётя Клава, мать Люды, иногда ловила обидчиков дочери, ругала их и даже таскала за чубы. Но они всё равно не унимались и кричали, едва завидев девчонку: «Один глаз на Кавказ, а другой на Север», а ещё «Косой, косой, подавился колбасой». Эта обзывалка уже предназначалась брату Люды, Толику, у которого была такая же проблема, как и у сестры. Но Толик был шустрым и боевым. Он матери на обидчиков не жаловался, а разбирался с ними сам, поэтому его обзывали редко, а вот Люде доставалось и в школе, и на улице.

Тётя Клава возила детей по врачам. Люда носила одно время очки с одним стеклом, но косоглазие как было, так и осталось. Говорили, что это следствие тяжёлых родов, хотя некоторые объясняли по-другому: мол, наследственное, отец у неё такой же.

Отца Люды, дядю Павлика, я видела несколько раз, но глаз его рассмотреть так и не смогла. Он вечно хмурился и низко на лоб натягивал фуражку. Работал дядя Павлик трактористом, дома бывал только ночью. Мне кажется, что его не только я редко видела, но и Люда, потому что об отце она никогда ничего не говорила.

Мы были с ней ровесники, но в школу Люда пошла на год позже меня и училась неважно. Не давалась ей грамота. Толик, брат её, был отличником, а Люда троечницей. Видимо, роды всё-таки сыграли свою роль.

Кое-как окончив 8 классов, Люда ушла из школы в ПТУ. Потом вышла замуж за своего обидчика, того, что ей юбку прутиком задирали на сельском базаре. Это я узнала от одной родственницы, с которой я поддерживала отношения, когда уехала из села. Люда родила троих детей, сидела дома, а муж работал трактористом. Жили небогато, но дружно.

Пока я вспоминала, Люда подошла ко мне. Мы обнялись. Разговорились.

Люда рассказала сельские новости. Я обратила внимание, что могилы её покойных родственников, которые находились рядом с могилами моих родителей, уже давно прибраны, да и между нашими трава подёргана.

– А это мы с Вовой ещё две недели назад убрали и покрасили, – сказала Люда. – Хотели всё убрать, но потом решили вас подождать. Если бы ты не приехала сегодня, то завтра мы бы здесь всё прибрали.

– А сейчас ты на кладбище зачем пришла? – спросила я Люду.

– А мы перед Пасхой каждый день ходим с Вовой на кладбище, – просто сказала Люда, глядя мимо меня. – Много могилочек сейчас осталось без присмотра. Люди уехали из села, некому ухаживать. А я всех людей помню. Мы покупаем три банки краски перед Пасхой – белую, синюю и зелёную – и ходим на кладбище прибирать знакомые могилки. Вот сегодня Юры Киянова могилку чистили. Ты помнишь его?

– Конечно, помню, – сказала я.

– Пойдём навестим вместе. Там Вова прибирает сейчас могилку тёти Даши Смирновой, что рядом со школой жила и уборщицей в школе работала. Помнишь?

– Помню. Такая хорошая тётя была. Она нам ещё стенды настенные рисовать помогала. Она так хорошо рисовала, хотя всю жизнь только швабру в руках держала, как сама говорила.

Мы с Людой подошли к могилке Юры Киянова.

– Все родные уехали, дочки очень далеко живут, а Юра здесь остался. Мы ведь с ним на одной улице жили. Придут люди, а могилка его неухоженная.

Я так не могу. Надо, чтобы всех помнили, – сказала Люда.

Мы помолчали. Подошёл Вова, поздоровался со мной.

– А вчера прибирали могилку деда Сани, что сторожем работал в колхозном саду. Помнишь, как мы черешню воровали, пока он домой на обед ходил? – нарушила молчание Люда.

Я всё помню, я всё очень хорошо помню, но убрать могилы тех, кого уже давно нет с нами, могилы соседей, дальних родственников, деда Сани и тёти Даши, вряд ли бы догадалась. Хорошо, что на свете есть Люда и Вова. Значит, ещё будут живы те, с кем мы в детстве играли, дружили, дрались, дразнились, влюблялись, боялись, уважали и восхищались.

Случайная встреча

Хоронили двоюродного брата Михаила – Николая. Причина смерти банальна – инсульт. Да и не мог он умереть от другой болезни, так как вся жизнь его последние пятнадцать лет была сплошным нервным потрясением.

Умный, предприимчивый, с высшим инженерным образованием, он в начале 90х ушёл в бизнес, строил дома, санатории, потом открыл банк, работа спорилась, банк набирал темпы, а потом случился дефолт, и всё полетело к чёртовой матери. Правда, Николай не растерялся, кое-что у него осталось, и он опять смог наладить своё дело, но здоровье, к сожалению, вернуть не удалось и очередной, третий инсульт, окончился смертью. Не помогли ни дорогие лекарства, ни консилиумы врачей, ни молитвы, ни знахари.

Он вряд ли попал бы на эти похороны, если бы не родная сестра Николая

Света. Это она позвонила ему и, рыдая, попросила поехать вместе с нею. Со Светой они жили в одном городе, часто перезванивались, общались, поздравляли с праздниками, словом, не забывали друг друга, как часто случается с близкими и дальними родственниками в наше сумасшедшее время. Она ехать одна не решалась: Николай, хоть и брат, но известный в городе человек, богатый, уважаемый. А кто они? Бедные родственники! Света работала медсестрой, а он таксовал на собственных «Жигулях» 6-ой модели. Света опасалась, что её никто и не узнает на похоронах, а вдвоём им не так одиноко будет.

Действительно, когда они приехали, на них никто не обратил внимания. Подъезжали шикарные машины, из них уверенной походкой выходили ухоженные и модно одетые владельцы с огромными букетами роз и гвоздик. Их букет из двадцати гвоздик, перевязанный траурной ленточкой, смотрелся как бедный родственник.

Вдова и взрослая дочь Николая сидели около гроба, остальные стояли. Светлана не решилась сама подойти к невестке: они не были дружны. И лишь минут через сорок тётю заметила племянница, дочь Николая. Она подозвала её, обняла, заплакала и оставила рядом с собой. Они о чём-то поговорили, и вскоре

Света вернулась к нему. Сестра тихонько плакала, он тоже утирал тайком слёзы.

В один миг промелькнуло перед ним детство в небольшом степном селе, где жили одной семьёй их отцы, родные братья Артём и Никита. Их было шестеро, двоюродных братьев и сестёр, в детстве они были настолько дружны, что порой не могли расстаться даже на ночь. Так и ночевали «табором», как говорила бабушка, то в одном доме, то в другом. Выдумщиком и заводилой их компании был всегда Николай, он придумывал игры, он всеми командовал, хотя старшим не был, просто «уродился шебутным», опять же, по словам бабушки. Первым в их роду Николай и в город уехал. Поступил в институт, с отличием его окончил, женился, работал на Севере, потом ушёл с головой в бизнес, некогда было даже позвонить родным, а может не хотелось... Вот и последняя черта... Он опять смахнул слезу.

Толпа зашевелилась. Подошло время ехать на кладбище. Машину свою он оставил в соседнем дворе, и они со Светой сели в автобус. Траурный кортеж двинулся в сторону кладбища. Курортный город был небольшим, компактным, так что приехали быстро. Пока гроб несли к могиле, пока говорили красивые и правильные речи, пока бросали по русскому обычаю три горсти земли в могилу, они со Светой стояли как окаменелые. Когда же «копачи» стали засыпать могилу, он отошёл в сторонку, а потом побрёл по кладбищу просто так, чтобы успокоиться.

Та сторона кладбища, где похоронили Николая, была элитной. Богатые памятники из мрамора и гранита, на некоторых покойники были изображены в полный рост и смотрели на тебя как живые, ограда – произведение искусства, могилы располагались не на двух метрах как достаточно, а на двадцати и более, как захотели родственники, или, вернее, сколько

купили. «Как при жизни. Ктото всей семьёй ютится на двадцати квадратах, а кому-то тысяча квадратов кажется малостью» -подумал он.

Он обратил внимание на то, как много было похоронено совсем молодых людей. «Не своей смертью умерли, горемычные» – подумал он и вдруг остановился как вкопанный. Хорошо, что рядом была лавочка. Присев и вцепившись в лавочку обеими руками, он стал всматриваться и вчитываться в надпись на памятнике из серого гранита, к которому он только что подошёл. «Дунаев Михаил Александрович» – прочитал он медленно и вытер пот со лба, который прошиб его насквозь. А дальше, как всегда, годы жизни и смерти. Совпало всё с его собственной личностью, кроме даты смерти, поскольку он был ещё жив, а его полный тёзка, или двойник, уже полгода, как находился на том свете. «Как же это так? – думал он.– Ладно, имя, фамилия, отчество, но и день, и месяц, и год рождения совпали. Выходит, 20 октября 1952 года родились одновременно два Дунаевых Михаила Александровича. Но как такое возможно? Жаль, что нет фотографии покойного Михаила. Может, мы и похожи как две капли воды».

Размышляя, он не сразу обратил внимание на дату смерти, а когда заметил, то ему стало так плохо, что он еле взял себя в руки. Благо, что у него была с собой пол-литровая пластиковая бутылка с водой, которую он взял для Светы, а теперь она пригодилась ему. Жадно отхлебнув несколько глотков уже тёплой воды, он ещё раз внимательно посмотрел на дату смерти. Нет, не ошибся: «23 ноября 2006 года»

В тот день он, как всегда, таксовал по городу. Клиенты попадались всё мелкие. Больше сотни взять так и не пришлось. Он, было, уже домой собрался, как заметил на обочине парня, который отчаянно голосовал. Притормозив и открыв боковое окно, он поинтересовался, куда парень собрался.

– В Грушовку подвези, шеф, «пятихатку» дам, срочно нужно, – скороговоркой выдал парень просьбу.

Он внимательно оглядел парня. Вроде прилично одетый, трезвый, видно, что спешит. Деньги предлагает немалые. Грушовка – пригород и больше трёх сотен за поездку туда не дают, а тут пятьсот. А, была не была! Парень резво сел, и он нажал на газ. Пассажир вёл себя спокойно, даже стал рассказывать о том, что он студент, живёт в общежитии, а в Грушовке живёт его девушка, с которой они поссорились и теперь он едет к ней мириться.

Когда подъехали к окраине села, парень вдруг стал беспокойно оглядываться, всматриваться в темноту ночи, будто попал в незнакомую местность. Это его насторожило и спасло, собственно говоря, жизнь. Когда парень, в очередной раз оглянувшись, вытащил из внутреннего кармана нож и бросился на него, он успел закрыть лицо и удар пришелся на шею. Дверь, к счастью, не была заблокирована, и он, резко нажав на тормоз, так же резко открыл дверь машины и выскочил из автомобиля. Парень тоже выскочил, но фортуна в этот вечер была не на его стороне. Неожиданно появился автомобиль, и шофёр, тоже таксист, увидев коллегу, остановился. Парень испугался и бросился бежать. Таксист кинулся за ним, но вскоре вернулся, решив, что лучше он поможет пострадавшему, который истекал кровью. Он посадил его в свой автомобиль, вызвал «Скорую», дождался помощи, передал его в руки врачей, а сам позаботился о машине, словом, всё сделал для его спасения. Он месяц провалялся на больничной койке, Геннадий (так звали его спасителя) проводывал его, они подружились, стали ходить к друг другу в гости. В общем, чудесным образом он в тот вечер избежал смерти.

А вот другой Михаил умер. А может, он умер на одну минуту раньше его, и на небесах решили, что тот, кто им нужен, представился и послали ему в помощь таксиста? Как же понимать это совпадение? Что это? Случайность или закономерность? Как же на небесах различают таких людей? Наверное, по душам. Души ведь у всех разные.

«Каким же ты был, мой полный тёзка?» -мысленно спросил Михаил. Поднявшись, он подошёл к памятнику и погладил холодный гранит: «Спи спокойно и царствие тебе небесное».

Увидев, что его уже ищет Света, он пошёл ей навстречу. Взявшись за руки, они подошли к могиле Николая, перекрестились, постояли молча, склонив головы, и, не оглядываясь, пошли к автобусу.

Когда, по русскому обычаю помянув брата, они ехали домой, он притормозил возле небольшой придорожной церквушки. В церкви никого не было, лишь потрескивали свечи, поставленные такими же случайными прихожанами, как и они. Свечи лежали на отдельном столике и рядом, на стене висел небольшой ящичек с надписью: «Для пожертвований». Бросив в него сто рублей, он взял три свечи. Перекрестившись, подошёл к иконе Христа Спасителя и поставил свечку сначала за здоровье, а потом за упокой души раба Михаила. Если Господь Бог разобрался на земле среди них, то на небесах тем более разберётся. Третью свечку он поставил за упокой души раба Николая.

Капитан

С Капитаном я познакомился, когда мне было 14 лет. Однажды летом он появился у нас дома и стал деловито ходить по двору, попутно отдавая мне приказы: принеси то, подай это! Капитаном звал его отец, а я дядей Лёшей.

Был он лет 50, среднего роста, сутуловатый, с маленькими грустными глазами и мясистым синим носом. Глаза его становились весёлыми только после второй рюмки водки. Во всей его невзрачной и незаметной фигуре выделялись только руки. Они были большими и мозолистыми. Когда он отдыхал, руки держал всегда лодочкой между коленей. Опрокинет рюмку – и опять руки лодочкой сложит и сидит, дожидаясь следующей порции. Но это было всегда после работы. Когда же Капитан работал, он почти не пил.

Как оказалось, он неслучайно появился в нашем дворе. У Капитана было определённое задание: отец поручил ему построить баню.

Я сразу к нему привязался. Во-первых, мне было нечего делать. Во-вторых, Капитан привлекал меня своим мастерством. Он так ловко и красиво клал кирпичи, что мне тут же захотелось быть строителем. Я помогал ему месить раствор, подносил кирпичи и инструменты.

Мы много с ним беседовали, особенно по вечерам, так как Капитан не только работал, но и жил у нас во время своей работы. Он много читал мне стихов Сергея Есенина, которые выучил, находясь в ЛТП. У него был низкий глухой голос, но читал он выразительно и с огромным чувством. Капитан даже стихи сочинял, но это были устные упражнения. Он к своим способностям всегда относился критически.

Как-то я спросил его, почему его Капитаном зовут. Ведь было у него настоящее имя и даже отчество: Алексей Иванович.

– А мне нравится, – сказал он. – Я ведь на флоте служил, очень хотел остаться, но мать строго-настрого запретила мне и позвала домой. Я не мог её послушаться в то время, она у меня строгой была и требовательной. Вернулся домой, стал строителем, продолжал мечтать о море. Когда понял, что мечта моя осталась в прошлом – запил. Вот до сих пор остановиться не могу. А ты меня тоже зови Капитаном.

После этого признания он чуть не заплакал. Единственное, что могло утешить Капитана – это очередная рюмка водки. Мы с ним разработали план. Я знал, что в подвале у нас есть ящик водки. Я приносил ему бутылку, он в течение дня её выпивал по рюмочке, потом мы наливали туда воды, а вечером я ставил бутылку на место. Отец мой не пил, так что узнали родители об этой операции уже после того, как Капитан построил баню и надо было, так сказать, обмыть постройку.

С тех пор прошло 20 лет. Баня стоит до сих пор, а Капитана давно уже нет на этом свете. Он, как и положено моряку, утонул в реке. Выпил на берегу, посидел, подумал, нырнул и плавает до сих пор.

На поминках

Поминали Ивана Сергеевича, бывшего колхозного тракториста. Умер он внезапно, во сне, никого не потревожил: ни сына, ни невестку, ни жену, которая спала на диване в одной с ним комнате.

Утром жена, как всегда, к нему обратилась, а он молчит. В общем, сердечный приступ, так сказать, старческая смерть, хотя не всем так везёт.

Но он всегда был везучий. Воровал сено на ферме – никогда не попадался. Однажды на тракторе своём в столб въехал, да так, что трактор пополам, а он вывалился из кабины и даже не понял, что случилось. Думал, что сам вылез.

Даже с местом на кладбище ему повезло. Похоронили у самого входа. На

Пасху люди будут мимо него идти, и каждый подойдёт помянет, стаканчик на могилку выльет. А до крайних могилочек пока дойдут, уже водочка кончится, поминать будут печеньками да конфетами. А мужикам они зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.